

“ВЕСТФАЛЬСКИЙ МИФ”: ИСТОРИЯ И КРИТИКА

© 2019 г. А. КУПРИЯНОВ

КУПРИЯНОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования Отдела международно-политических проблем.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (a.kupriyanov@imemo.ru).

Куприянов А.В. “Вестфальский миф”: история и критика.

Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2019, № 3, сс. 37-50. DOI: 0.20542/afij-2019-3-37-50.

DOI: 10.20542/afij-2019-3-37-50

УДК: 30+321+327+341

Статья поступила в редакцию 15.10.2019.

Статья посвящена исследованию “Вестфальского мифа” – комплекса представлений, сложившегося в рамках теории международных отношений, согласно которому Вестфальский договор 1648 г. стал отправной точкой формирования современной системы международных отношений. Автор исследует одно из основных положений “Вестфальского мифа” – представление о Тридцатилетней войне как борьбе с универсалистскими устремлениями Габсбургов – и приходит к выводу об их несоответствии историческим фактам.

Ключевые слова: Вестфальский мир, Тридцатилетняя война, история международных отношений, “Вестфальский миф”, Франция, Священная Римская империя.

Идея о том, что положения Вестфальского мира 1648 г. лежат в основе всей современной системы международных отношений (СМО), является общим местом большинства течений в рамках теории международных отношений (ТМО) и составляет часть исторического фундамента, на котором их сторонники выстраивают систему доказательств. Согласно этой идее, заключение Вестфальского мирного договора породило структурные изменения в природе межгосударственных связей, в результате чего коренным образом изменился и механизм межгосударственных отношений: главным актором этих отношений стало так называемое вестфальское государство, основной чертой которого является абсолютный внешний суверенитет. Это, в свою очередь, привело к формированию “Вестфальской СМО”, базовым принципом которой стало равноправие государств как субъектов международных отношений. Тридцатилетняя война (1618–1648), завершившаяся Вестфальским миром, рассматривается, соответственно, как экзистенциальный конфликт между средневековой монархией Габсбургов, пытавшихся реализовать универсалистский проект в рамках империи, и сообществом национальных государств, одержавших в итоге победу и позволивших сформировать современную СМО.

Несмотря на появление новых течений в рамках ТМО, представление о Вестфальском договоре как отправной точке, с которой началось развитие современной СМО, в течение долгого времени оставалось неизменным. Однако на рубеже XX–XXI вв. в изучении истории МО произошел “исторический поворот”: благодаря накопленным исторической наукой знаниям ряд историков, специалистов по МО и правоведов, проанализировав сам текст Вестфальских договоров, исторический контекст, в котором они заключались, и их последствия, пришли к выводу о неправомерности трактовки этих договоров как поворотного пункта в формировании современной СМО. Согласно взглядам большей части представителей

этого течения, теоретический базис современной СМО был заложен спустя столетие после заключения Вестфальского договора в работах мыслителей эпохи Просвещения, причем основная роль в этом принадлежала Эмеру де Ваттелю, применившему разработанную Жаном Боденом во второй половине XVI в. теорию суверенитета к отношениям между государствами и теоретически обосновавшему отсутствие права на внешнюю интервенцию. Сам же переход к межгосударственным отношениям нового типа начался в первой половине XIX в. и продолжался до последней трети XX в. Традиционный комплекс представлений о Вестфальском договоре как о стартовой точке формирования современных СМО в работах представителей “исторического течения” получил название “Вестфальский миф”.

Настоящая статья посвящена анализу основных положений “Вестфальского мифа”, их соответствия исторической реальности. Представляется, что изучение этой темы крайне актуально в контексте дальнейшего развития ТМО: в случае, если дискурс базируется на шатком фундаменте, анализ и прогнозирование в его рамках в той мере, в которой они касаются вопроса о дальнейшем развитии как государства, так и системы государств, в общем случае будут неизбежно приводить к ошибкам, причем самого разного свойства: от идеи “конца истории” Ф. Фукуямы, которая вряд ли появилась бы, рассматривая эволюцию СМО в исторической перспективе, до концепций неомедиэвэлистов, предсказывающих скорый коллапс “вестфальского государства” и возвращение в воображаемое Средневековье.

При решении поставленной задачи определенную сложность представляет методология. История международных отношений находится на стыке двух наук – истории и политологии. Как следствие, для ее анализа необходим синтез их методов. При этом исторические методы являются ключевыми, так как имеют основополагающее значение в установлении фактов; в этом случае, если методы политического анализа противоречат методам анализа исторического, их ценность ничтожна. Таким образом, наиболее перспективными из исторических являются историко-генетический, хронологический и историко-типологический методы, из политологических – собственно исторический, сравнительный и структурно-функциональный.

Статья разбита на три части. В первой содержится краткое описание ключевых положений Вестфальских мирных договоров; во второй анализируется генезис представлений о “Вестфальском мифе” и дается краткая библиография работ участников “исторического поворота” (заведомо неполная по причине чрезвычайной широты темы); в третьей, состоящей из двух подчастей, анализируется и разбирается одно из ключевых положений “Вестфальского мифа” – представление о том, что Тридцатилетняя война являлась экзистенциальным конфликтом, в результате которого государства-нации нанесли поражение союзу испанской и австрийской ветвей Габсбургов, которые пытались создать общеевропейскую империю. Остальные положения “Вестфальского мифа” автор надеется проанализировать в следующей публикации.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ВЕСТФАЛЬСКОГО ДОГОВОРА

Необходимость данной главы объясняется тем, что до настоящего времени не издано полного перевода текста Вестфальского мирного договора на русский язык, что приводит к многочисленным проблемам вплоть до смешения положений Мюнстерского договора, заключенного между Францией и императором Священной Римской империи, и Мюнстерского мира, заключенного между Испанией и Республикой Соединенных провинций. Это делает необходимым хотя бы краткий обзор предмета обсуждения (настоящее изложение выполнено с опорой на оригинальный латинский текст договоров, опубликованный на сайте проекта *Acta Pacis Westphalicae* [1]).

Положения Вестфальского мирного договора, заключенного 24 октября 1648 г., зафиксированы в двух “инструментах мира” – *Instrumentum Pacis Osnabrugensis (IPO)* и *Instrumentum Pacis Monasterensis (IPM)*, которые вместе составляют единый Вестфальский договор (в дальнейшем для их обозначения будут использоваться названия “Оснабрюкский договор” и “Мюнстерский договор” в соответствии с отечественной традицией; там, где речь будет идти об обоих договорах, будет использоваться термин “Вестфальский мирный

договор”). Иногда к ним добавляют Мюнстерский мир, подписанный между Нидерландами и Испанией в январе 1648 г.

Оснабрюкский мирный договор был заключен между королевой Швеции и ее союзниками с одной стороны и императором Священной Римской империи германской нации (далее – СРИГН или Священная Римская империя) из династии Габсбургов и германскими князьями с другой. Мюнстерский договор – между королем Франции и его союзниками и императором и князьями и их союзниками. Договоры носят двойственный характер: во-первых, они заканчивают состояние войны между СРИГН и Швецией и Францией, во-вторых, – урегулируют внутриимперские вопросы. Таким образом, Вестфальский договор является как международным договором в классическом понимании, так и конституционным актом Священной Римской империи [2; 3; 4]. Как отмечает историк Рональд Эш, “сложно найти другой юридический документ в период раннего Нового времени, в котором эти два аспекта — внутреннее конституционное урегулирование и международное соглашение – были бы сплетены столь тесно” [5, р. 319]. В целом положения Вестфальских договоров касаются трех основных тем: урегулирования религиозных вопросов на территории империи; территориальных изменений и прав князей; ряда второстепенных вопросов, таких как амнистии, рекапитуляции и т.п.

В религиозном плане договоры подтверждали установленные Аугсбургским миром 1555 г. нормы, хотя с рядом существенных оговорок. Наиболее заметной из них стала зафиксированная в ст. 5 параграфа 11 Оснабрюкского договора, согласно которой князь Священной Римской империи, пожелавший изменить свою религию, не мог заставить своих подданных сделать то же самое. Кроме того, Вестфальские договоры формально признали право католиков жить в протестантских землях и наоборот, свободно исповедовать свои взгляды, молиться и давать детям соответствующее религиозное образование. Права религиозных меньшинств, включая политические, охранялись, гарантировалось равное представительство религиозных общин в имперских представительных и судебных органах, причем права, ранее предоставленные лишь лютеранам, распространялись и на кальвинистов, но не на остальные протестантские течения.

В том, что касается территориального урегулирования, вопрос в основном касался уступок со стороны империи Франции и Швеции. Швеции были переданы Западная Померания, острова Рюген, Узедом и Волин, епископства Бремен и Ферден и порт Висмар. При этом шведская корона не получила их во владение, а держала как имперские фьефы в соответствии со ст. 10 Оснабрюкского соглашения. Франция получила епископства Мец, Туль и Верден, город Брейзах, ландграфства Верхнего и Нижнего Эльзаса, Сундгау и провинциальный округ десяти имперских городов (Декаполис), расположенный в Эльзасе; были также признаны права короля Франции на крепость Пинероло – важный стратегический пункт в Италии. В данном случае речь шла о полной передаче прав, однако французский король обязался не отменять привилегий, полученных эльзасскими городами и селами от Габсбургов, что означало сохранение их автономного статуса.

Поскольку, как было указано выше, договоры являлись в том числе конституционными актами, в них определялись права княжеств Священной Римской империи. Так, в соответствии со ст. 65 Мюнстерского договора они имели право заключать союзы с внешними акторами “для собственного сохранения и безопасности” с условием, что такие альянсы не будут направлены ни против империи, ни против императора и не будут мешать сохранению мира в империи или противоречить положениям Вестфальского договора. Аналогичное положение содержится в ст. 8 параграфе 1 Оснабрюкского договора, которое предусматривает, что имперские княжества имеют право заключать договоры между собой или с внешними акторами при условии, что они не будут направлены против империи. При этом издание законов, установление налогов и объявление войны оставались в ведении имперского сейма (рейхстага).

Остальные пункты соглашений – всеобщая амнистия, нейтрализация ряда территорий, реституция собственности, отказ от долгов, восстановления торгового сообщения, разрешение вопросов наследования в некоторых княжествах и т.д., – не оказали существенного влияния на международные отношения.

Мюнстерский мир между Испанией и Нидерландами формально не входит в состав двуединой системы Вестфальского договора; тем не менее исследователи-политологи, как правило, включают его в общую систему Вестфальских мирных договоров. Вместе с тем Мюнстерский мир значительно отличается от Мюнстерского и Оснабрюкского договоров как в том, что касается содержания, так и по ряду формальных признаков: он составлен на французском языке, а не на латыни, был заключен за девять месяцев до подписания Вестфальского договора представителями Нидерландов и Испании и не налагал на представителей третьих сторон обязательств признавать и исполнять его положения. С другой стороны, сами переговоры между испанскими и нидерландскими представителями велись в рамках конгресса и при участии делегатов от других стран, что отчасти оправдывает включение этого мирного договора в систему Вестфальских договоров.

ГЕНЕЗИС “ВЕСТФАЛЬСКОГО МИФА” И “ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ”

Ключевую роль в формировании “Вестфальского мифа” сыграл американский юрист Лео Гросс, издавший в 1948 г. статью, посвященную Вестфальскому миру [6]. В ней Гросс, опираясь на фрагменты работ ряда юристов конца XIX – первой половины XX вв. (Поля Фошиля [7], Перси Уинфильда [8], Фрэнсиса Данна [9] и других), выдвинул концепцию комплекса договоров 1648 г. как отправной точки современной мировой системы и международного права. Именно Гросса, назвавшего Вестфальский мир “величественным порталом, ведущим из старого мира в новый”, который “отмечает конец одной эпохи и начало другой”, можно по праву считать основоположником “Вестфальского мифа”. Гросс, как следует из текста статьи, тщательно штудировал Вестфальский договор, однако не нашел в нем явных подтверждений основных положений своей теории и в результате заявил, что истинное значение этих договоров лежит не в самом их тексте, а “в тех обширных концепциях, на которых они покоятся, и в тех усовершенствованиях, которым они придали импульс”. Гросс был специалистом по современному ему международному праву, а не по истории – статья, посвященная Вестфальскому миру, является единственной его работой, в которой он касается событий, произошедших до начала XX в. [10, р. 265] Отсутствие достаточных исторических познаний привело его к спекулятивным выводам без должной доказательной базы.

Тем не менее удачная форма подачи и внешне убедительные примеры со ссылками на работы предшественников способствовали тому, что концепция Гросса завоевала широкую известность в кругах американских политических элит. Она была популяризирована в книге Ганса Моргентау “Политические отношения между нациями” и в статье “Пересмотр проблемы суверенитета”. Причем если в книге Вестфальский мир едва упомянут как договор, “сделавший территориальное государство краеугольным камнем современной системы международных отношений” [11, р. 210], то в статье Моргентау раскрывает свои взгляды более подробно: “К концу Тридцатилетней войны суверенитет как высшая власть над определенной территорией стал политическим фактом, обозначая победу территориальных князей над универсальной властью императора и папы с одной стороны и над частными устремлениями феодальных баронов – с другой” [12, р. 341]. Именно с подачи Моргентау, популяризовавшего идею Гросса, утвердилась концепция Вестфальского мира как фундамента современной системы МО.

При этом ни сам Моргентау, ни основная масса современных ему специалистов-международников, подхвативших концепцию Гросса, не являлись специалистами по эпохе раннего Нового времени. Со временем была забыта оговорка Гросса о том, что сам текст Вестфальского договора не подтверждает наличия кардинальных изменений СМО. По этой причине в новейших исследованиях можно встретить утверждения, что эти изменения не просто зафиксированы в тексте, но и сам текст был составлен таким образом, чтобы создать фундамент для современной СМО. В результате за полвека сложился широкий консенсус, обязанный своим возникновением отсутствию среди теоретиков МО историков, специализирующихся на соответствующем периоде и способных указать на ошибочность базовых положений. Дополнительную сложность вносила латынь, на которой были составлены Вестфальские договоры. Работа с ними для тех, кто не изучал древние языки, была затруднительна. Как следствие, такие специалисты не могли проанализировать употребляемую составителями терминологию и исследовать договоры в контексте исторической эволюции текстов.

Основу для изменения ситуации заложили работы Английской школы ТМО. По иронии судьбы ее основоположники и ключевые участники, включая Хедли Булла, не сомневались в истинности основ общепринятой к тому моменту концепции; в частности, сам Булл следом за Гроссом утверждал, что “Вестфальский мир ознаменовал конец претензий Габсбургов на универсальную монархию” [13, р. 31]. Однако характерные для Английской школы стремление подвести под современное состояние СМО исторический базис, поставить во главу угла исторические факты способствовали появлению в среде входивших в ее состав и примыкавших к ней международных интереса к истории. Не исключено, что “исторический поворот” произошел бы в рамках именно этой школы, не помешай тому ее распад. Показательно, что один из видных ее теоретиков, Барри Бузан, продолжая изучение формирования системы международных отношений в исторической динамике, впоследствии внес важный вклад в “исторический поворот”, предложив в своих работах новые ключевые даты для истории международных отношений [14; 15; 16].

Первым исследователем, публично усомнившимся в правильности концепции Гросса, стал профессор Стивен Краснер. В эссе, опубликованном в 1993 г. [17], он указал на ошибочность взгляда на Вестфальский мир как на решительный разрыв с прошлым. Однако, не получив поддержки коллег, спустя шесть лет Краснер вернулся к традиционной точке зрения, упомянув в одной из своих монографий события 1648 г. как “решительный разрыв с прошлым... ознаменовавший переход от христианства к государственному интересу и балансу сил как положениям, определяющим поведение правителей”. Хотя одновременно он подчеркнул, что Вестфальский мир является не единственным поворотным пунктом такого рода [18, р. 82].

Начало первой волны “исторического поворота” имеет смысл отсчитывать с публикации в 1999 г. историком Дерексом Крокстоном статьи “Вестфальский мир 1648 г. и истоки суверенитета” [19]. Крокстон, будучи ведущим специалистом по изучению Вестфальского договора, продемонстрировал, что ни в Мюнстерском, ни в Оснабрюкском договорах не содержится положений, которые позволили бы считать их ключевыми пунктами в формировании внешнего суверенитета государств. Выводы Крокстона в 2000 г. подтвердил Стефан Болак, опубликовавший статью, посвященную анализу влияния Вестфальского договора на развитие международного права [20], где особое внимание было уделено отсутствию изменения правовых норм после заключения мира в 1648 г. В 2004 г. вышли еще одна статья Болака на эту тему [21], а также его монография [22], где более подробно излагалась соответствующая аргументация и демонстрировалось, что истинным идеологом создания системы международных отношений как отношений равных субъектов является Эмер де Ваттель, живший на столетие позже заключения Вестфальского мира.

Поскольку Крокстон – историк, а Болак – юрист, их публикации остались почти незамеченными в среде специалистов-международников. Однако в 2001 г. немецкий ученый Андреас Осиандер, специализировавшийся на истории международных отношений и выпустивший к тому моменту фундаментальную работу, в которой проанализировал историю и основные векторы эволюции европейской межгосударственной системы [23], выступил с программной статьей “Суверенитет, международные отношения и Вестфальский миф” [10]. В ней он опровергал ряд ключевых положений, выдвинутых Гроссом и лежащих в основе общепринятой теории. Именно Осиандер первым проследил генезис “Вестфальского мифа” и продемонстрировал роль, сыгранную в его создании Лео Гроссом.

В 2002 г. вышла критическая статья еще одного немецкого специалиста по международным отношениям – Бенно Тешке [24]. Впоследствии Тешке расширил выдвинутые в ней тезисы, изложив их в своей монографии [25], а позже опубликовал статью с ответом на критику оппонентов [26]. В отличие от Осиандера, который анализирует исторические факты и процессы, не примыкая к какому-либо течению в рамках ТМО, Тешке критикует “Вестфальский миф” с марксистских позиций.

Таким образом, можно констатировать, что в 1999–2002 гг. “Вестфальский миф” оказался под огнем критики ряда ученых, представляющих различные науки. Однако большинство сторонников классической ТМО ее просто проигнорировали. Те же, кто выступил в защиту традиционного взгляда на Вестфальский мир как на поворотный пункт в развитии СМО,

избегали возражений по существу [27; 28; 29]. Исключением является работа Иэна Кларка, который, полностью признавая справедливость критики представителей “исторического поворота”, отстаивал, тем не менее, важность Вестфальского договора как акта, основанного на традициях прошлого и в то же время содержащего зародыш идеи международной легитимности. Однако в своей защите Вестфальского мира Кларк ушел так далеко от основных положений классической ТМО, что сам превратился в ревизиониста [30].

Схожую позицию занимает бельгийский специалист по истории международного права Рэнделл Лесаффер. Указывая, что сам по себе Вестфальский договор не является переломным моментом в истории развития европейской правовой системы, он, тем не менее, указывает: “Период, когда был заключен Вестфальский мир, и последовавшие десятилетия, стал важной цезурой в развитии европейского правового порядка в целом. Вестфальские мирные договоры положили конец последней долгой и ожесточенной религиозной войне в Европе... Эти десятилетия отмечали конец внутренних религиозных войн и гражданских усобиц внутри самых могущественных европейских стран и раздоров на религиозной почве между ними, разрушивших старый европейский правовой порядок. Короче говоря, Вестфальские мирные договоры не заложили новые базовые принципы современного международного права; они, однако, привели к созданию политических и религиозных условий, которые позволили европейским державам выстраивать новый международный правовой порядок” [31, р. 10]. Первым договором, в котором были зафиксированы нормы этого нового порядка, Лесаффер небезосновательно считает заключенный в 1713 г. Утрехтский мир [32]. При этом несложно заметить, что Лесаффер, понимая слабость аргументации сторонников “Вестфальского мифа” и при этом не желая кардинально перестраивать уже сложившуюся в научных кругах систему представлений, возвращается в итоге к позиции Гросса с ее апеллированием к туманным «концепциям» и «импульсам».

После 2002 г. возникла своего рода пауза: так как все аргументы были высказаны, а ответа на них не последовало, представителям первой волны ревизионистов осталось только ждать смены парадигмы через ознакомление новых поколений ученых-международников с их работами. Они продолжают публикацию трудов, в которых развивают свои взгляды: так, в 2007 г. Осиандер выпустил исследование, посвященное эволюции европейской международной системы от греческих полисов до XIX в. [33], а в 2010 г. в Интернете была размещена очередная статья Болака, посвященная критике “Вестфальского мифа” [34]; в 2013 г. вышла в свет фундаментальная работа Крокстона, в которой тот отстаивает идею о том, что Вестфальский мир был не началом нового мирового порядка, а попыткой вернуть прежний, став по сути “последним христианским миром” [35].

В 2009–2011 гг. на сцену вышла вторая волна критиков “Вестфальского мифа”, которые атаковали его с принципиально иных позиций. Если представители первой волны указывали прежде всего на несоответствие “вестфальского нарратива” историческим фактам, то представители второй – на его исключительный европоцентризм, который привел к полному игнорированию процессов, происходящих в других регионах мира. Среди наиболее ярких исследователей второй волны можно назвать Турана Каяоглу [36] и Джона Хобсона [37; 38], уделяющих особое внимание формированию суверенитета неевропейских государств и стремящихся расширить рамки анализа эволюции СМО до общемировых. Представители первой и второй волн не противоречат, а скорее дополняют друг друга: если Крокстон, Осиандер, Болак и Тешке демонстрируют ложность базовых положений “Вестфальского мифа”, то Каяоглу и Хобсон – его исключительную ограниченность.

Россию обе волны критики обошли стороной. “Вестфальский миф” по-прежнему царит в отечественных учебниках по истории и теории международных отношений. Это тем более удивительно в свете наличия в России традиционно сильной школы системных исследований истории МО, в русле основных положений которой действуют представители второй волны “исторического поворота”.

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ “ВЕСТФАЛЬСКОГО МИФА”

Вестфальский нарратив содержит ряд положений, которые в той или иной форме встречаются в большинстве трудов и составляет неотъемлемую часть дискурса МО. Вот как описывает их Г. Киссинджер в работе “Мировой порядок”:

«Вестфальский мир стал поворотным пунктом в истории народов. Отныне именно национальное государство, а не империя, династия или религиозная конфессия, признавалось “кирпичиком” европейского миропорядка. Была выработана концепция государственного суверенитета. Право каждой страны, подписавшей договор, устанавливать собственную внутреннюю структуру и религиозную ориентацию, не опасаясь вмешательства соседей, было закреплено формально... Договоры... формировали принципы системы “международных отношений”... Если государство принимает эти основные требования, оно признается членом международного сообщества, сохраняющим собственную культуру, власть, религию и внутреннюю политику, но защищенным международной системой от внешнего вмешательства. Идеал имперского или религиозного единства – основа миропорядка в Европе и в большинстве других регионов – предполагал, что лишь один центр власти может считаться полностью легитимным... С утратой единой церковью положения основного источника легитимности и с ослаблением позиций императора Священной Римской империи в качестве концепции порядка в Европе был выбран баланс сил... Устанавливалось “коренное” равенство суверенных государств, независимо от их могущества или формы правления. Новые игроки на европейской арене, такие как Швеция и Голландская республика, по протоколу считались равными столь уважаемым великим державам, как Франция и Австрия» [39].

В этом абзаце содержится перечисление почти всех основных положений “Вестфальского мифа”. В целом их можно условно разделить на две крупные группы: в первую войдут тезисы, касающиеся экзистенциальных изменений всего мирового порядка (утверждения о том, что Вестфальский мир покончил с претензиями Габсбургов на установление всеобщей монархии в Европе, заменив ее сообществом национальных монархий и республик; что он заместил религиозный интерес государственным и что на смену иерархическому миропорядку пришла система баланса сил), во вторую – те, которые касаются формирования по итогам Вестфальского мира сообщества суверенных государств, формально равных друг другу. В данной статье будет рассмотрена первая группа тезисов.

МИФ ОБ УНИВЕРСАЛИСТСКИХ ПРЕТЕНЗИЯХ ГАБСБУРГОВ: ИСТОКИ

Утверждение, что Вестфальский мир положил конец претензиям Габсбургов на создание общеевропейской монархии и не позволил им ликвидировать зарождающиеся национальные государства, является одним из столпов “Вестфальского мифа”. Корни представления о Тридцатилетней войне как об экзистенциальном конфликте лежат, как демонстрирует Осиандер, в антигабсбургской пропаганде военных времен [10, pp. 262-264].

Франция и протестантские князья в многочисленных памфлетах и открытых письмах обвиняли императора и католических князей в сговоре с королем Испании и с папой с целью захватить всю Европу и искоренить протестантизм. Существенную роль в этой кампании сыграла кальвинистская интеллектуальная элита Пфальца, превратившая Гейдельбергский университет в центр антигабсбургской пропаганды [40, pp. 14, 284] при поддержке курфюрстов. Обвинения Габсбургов в тайном сговоре содержались в манифесте шведского короля Густава Адольфа (1594–1632), в котором он оправдывал свое вступление в войну, многократно повторялись в письмах, направляемых французами и шведами германским князьям-протестантам. Широко распространившееся в обществе представление о наличии габсбургского и, в случае с протестантскими государствами, – католического заговоров в конечном счете оказало влияние на формирование системы взглядов в исторических научных школах Великобритании и Франции.

Этот взгляд господствовал в исторической науке вплоть до второй половины XX в., когда, благодаря главным образом трудам Зигфрида Штейнберга [41], исследователи

отказались от подобной односторонней концепции. Возникла так называемая Школа международной войны (*International War School*), рассматривающая Тридцатилетнюю войну как часть глобального общеевропейского конфликта [42]. Эта концепция позволила поместить Тридцатилетнюю войну в широкий контекст и выявить сложную систему взаимосвязей в мировой политике того времени. Немалый вклад в ее развитие внесли и отечественные исследователи, в частности, Б.Ф. Поршневу [43]. В ТМО же этого качественного перехода не произошло. В рамках господствующих в ней представлений Тридцатилетняя война по-прежнему воспринимается как экзистенциальный конфликт, и в этом проявляется почти столетнее отставание ТМО от развития исторической науки.

В последней в настоящее время в целом достигнут консенсус в отношении причин и движущих сил Тридцатилетней войны. Гипотеза о том, что одной из ее причин стало стремление Габсбургов подчинить себе Европу, не находит подтверждения в архивных документах. Более того, исторический анализ показывает, что последним монархом, всерьез пытавшимся осуществить шаги, которые можно трактовать как попытку установления гегемонии Габсбургов, являлся Карл V (1500–1558). После раздела его государства на Испанскую и Священную Римскую империи, в каждой из которых правила своя ветвь династии Габсбургов, отношения между этими династиями были весьма неравными, сближения сменялись конфликтами. Каждая из ветвей Габсбургов исходила при принятии решений из собственных интересов, а не из идеологии династического единства. Кроме того, в силу значительных ограничений возможностей имперской ветви Габсбургов, накладываемых системой власти, существовавшей в СРИГН, они даже при желании не могли оказать своим испанским родственникам существенной помощи.

Так, во время Восьмидесятилетней войны (1568–1648), известной также как Нидерландская революция, Священная Римская империя не выступила на стороне Испании против нидерландских повстанцев, что позволило мятежным провинциям набирать наемников на территории СРИГН и не опасаться удара в спину [44, р. 2]. Попытки испанского императора Фердинанда изменить эту ситуацию натолкнулись на сопротивление князей-электоров во время съезда курфюрстов в Регенсбурге в 1630 г.

Со своей стороны, испанские Габсбурги при принятии решений также руководствовались прежде всего собственными интересами. Так, в 1617 г. в обмен на поддержку кандидатуры Фердинанда на пост императора Испания вытребовала себе Эльзас [45, р. 55]. Позже испанские войска принимали участие в завоевании Пфальца не только для того, чтобы спасти осажденную войсками Бетлена Габора Вену, но прежде всего ради гарантий бесперебойного функционирования “Испанской дороги” – маршрута вдоль западной границы Священной Римской империи, по которому в годы Восьмидесятилетней войны перебрасывались войска во Фландрию. Испанские войска, сыгравшие важную роль в битве при Нёрдлингене в 1634 г., также руководствовались в первую очередь желанием открыть “Испанскую дорогу”, заблокированную вследствие успехов шведских войска в кампании 1631–1632 гг.

При этом объективно обстановка в Европе подталкивала Габсбургов обеих ветвей к ситуативным союзам: после смерти Филиппа II габсбургские монархии находились в состоянии обороны [46, р. 34], пытаясь в условиях распространения протестантизма и расширения географии мятежей и восстаний удержать свои владения. Габсбурги были слишком слабы, чтобы самостоятельно или в альянсе друг с другом ставить целью ликвидацию каких-либо иностранных государств. Планы императоров Рудольфа II и Фердинанда III по рекатолизации протестантских областей никогда не выходили за пределы СРИГН, а вся Тридцатилетняя война представляла собой процесс обороны императоров и их союзников от внутренних мятежей и ударов извне.

ИМПЕРСКАЯ ОБОРОНА

Чтобы подтвердить последний тезис, достаточно напомнить хронологию Тридцатилетней войны. В ней принято выделять четыре этапа: чешский (или чешско-пфальцский), датский, шведский и шведско-французский.

В ходе первого, чешско-пфальцкого этапа, войска сперва эрцгерцога, а затем императора Фердинанда Штирийского при поддержке войск Католической лиги подавили восстание против Фердинанда в Чехии, поддержанное князьями-протестантами, входившими в состав Евангелической унии. Этот этап войны закончился решительной победой Габсбургов, которым удалось вернуть себе Чехию и захватить Пфальц. Курфюрст Пфальца Фридрих V, занявший ненадолго трон Богемии, не получил поддержки протестантских государств, на которую рассчитывал, и был низложен. Позиции императора Фердинанда по итогам этой стадии конфликта значительно ослабли: хотя он получил корону Богемии и был избран императором, этим он в значительной степени был обязан поддержке курфюрстов Саксонии и Баварии, которым вынужден был передать стратегически важные территории как гарантию уплаты долгов. Чешско-пфальцкий этап был сугубо внутренним и касался главным образом вопроса наследования богемской короны; показательно, что одной из причин победы Фердинанда стала поддержка его протестантским электором Саксонии Иоганном Георгом I.

Во время второго, датского этапа войска короля Дании Кристиана IV вторглись в пределы СРИГН под предлогом защиты прав протестантов от притеснений со стороны войск Католической лиги (но не императора Фердинанда). Речь шла о населении трех духовных княжеств – Ферденского и Хальберштадтского княжеств-епископств и Бременского княжества-архиепископства. Во время Богемского кризиса Кристиану удалось добиться того, чтобы его сын Фредерик был признан будущим администратором этих княжеств. Кроме того, его сын Ульрих был администратором княжества-епископства Шверин, а сам Кристиан IV пользовался поддержкой влиятельных герцогов Брауншвейг-Вольфенбюттельских, с которыми находился в родстве. Для того, чтобы заручиться поддержкой Англии и Нидерландов, Кристиан также заявил, что действует в защиту изгнанного курфюрста Пфальца. У датского короля были определенные шансы на успех, так как финансы империи истощились после войны в Богемии и Пфальце, а император остался почти без войск; но вторжение было отражено благодаря действиям Альбрехта фон Валленштейна, на свои средства нанявшего армию, разгромившего датчан и вынудившего Кристиана IV подписать мирный договор.

Этот этап также был исключительно оборонительным по сути. Однако тот факт, что император сделал в 1628 г. Валленштейна герцогом Мекленбургским, сместив протестантских герцогов-соправителей Мекленбурга Адольфа Фридриха I и Иоганна Альбрехта II по обвинению в измене, вызвал недовольство протестантских князей. Изданный в следующем году Эдикт о реституции, предусматривавший рекатолизацию земель, перешедших в руки протестантов начиная с Аугсбургского религиозного мира 1555 г., привел к открытому недовольству электоров, которые в 1630 г. в Регенсбурге потребовали от Фердинанда отстранить Валленштейна и распустить большую часть его армии, на что он согласился.

Пока шел съезд князей-электоров в Регенсбурге, шведская армия вторглась в земли СРИГН. Так как армия Валленштейна была распущена, а войска Католической лиги значительно уступали качеством шведским, то удача изначально была на стороне Густава Адольфа, получившего значительную субсидию от Франции. Благодаря серии успехов к Густаву Адольфу примкнули многие северогерманские протестантские князья, недовольные действиями императора. В течение последующих пяти лет боевые действия достигли крайнего ожесточения, практиковались массовые убийства пленных, территория Германии, на которой велись боевые действия, была разорена. В 1635 г. император Фердинанд II и большая часть протестантских князей в лице Иоанна Георга I, курфюрста Саксонии, подписали Пражский мир, в соответствии с которым приостанавливалось действие Эдикта о реституции, легализовывался кальвинизм, запрещалось образование коалиций между князьями наподобие Евангелической унии и Католической лиги, а войска императора и протестантских князей объединялись в единую армию.

В том же году на стороне противников императора в войну открыто вступила католическая Франция, и Тридцатилетняя война окончательно потеряла характер внутренней религиозной, превратившись в оборонительную войну СРИГН против внешних врагов. Франция при этом не объявляла войну императору; французские войска формально действовали под верховным шведским командованием, а в качестве итоговой цели было заявлено установление мира в Священной Римской империи. Реальной целью французов был захват Эльзаса и создание протестантско-католического альянса князей против Габсбургской

монархии в СРИГН. Последний этап войны характеризовался значительным истощением сил обеих сторон. Тем не менее удача в основном сопутствовала французам и их союзникам, и по условиям Вестфальского мира Франция и Швеция получили желаемые территории.

Разумеется, это краткий очерк не исчерпывает всей сложности политических отношений эпохи Тридцатилетней войны, но он ясно показывает, что ни о какой общеевропейской экспансии Габсбургов в описываемый период не могло идти и речи. Это хорошо понимали и князья Священной Римской империи, которые меняли сторону в войне, не желая ни усиления императорской власти, ни ее полного упадка. Каждая страна преследовала в этой войне свои цели, но лишь для Франции борьба с угрозой со стороны Габсбургов была ключевой задачей, которую она решала, сперва оказывая помощь деньгами Дании и Швеции, а затем вступив в войну непосредственно. Максимум, что угрожало Франции в случае поражения – потеря ряда крепостей и незначительных пограничных территорий, а не исчезновение в качестве государства.

ДИСБАЛАНС СИЛ И ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЛИКТОВ

Победа Франции привела к появлению нового претендента на европейскую гегемонию. Вопреки представлениям, господствующим в рамках ТМО, Вестфальские договоры не создали баланса сил. Сама эта идея, разумеется, в той или иной форме присутствовала в мировой политике с момента первых межгосударственных контактов. Но в современном понимании она была чужда средневековой Европе, которая представляла из себя сложную гетерономную систему, где вопрос территориальных приобретений зависел в большей степени от общеправовых и династических оснований, нежели от соображений баланса сил.

В этой системе внутренняя слабость аппарата управления и специфика династических связей не позволяли осуществлять эффективный контроль над крупными государственными образованиями и вынуждали их дробить. Как правило, составные государства раннего и высокого Средневековья разваливались на втором-третьем поколении правителей (империя Карла Великого, государство Кнута Великого, Анжуйская империя). С течением времени составные государства, однако, становились все устойчивее, улучшая механизмы управления и находя новые формы, позволяющие избежать дробления владений, такие как апанаж. Однако в XVI в. европейские монархи и сословия по-прежнему воспринимали международные отношения в рамках средневековых категорий. Это, в частности, привело к возникновению империи Карла V, который законным путем, при помощи браков и наследования, объединил под своим скипетром огромные европейские владения и бросил вызов доминированию Валуа, достигнутому по итогам Столетней войны (1337–1453).

После заключения Вестфальских договоров эта борьба возобновилась. По итогам Тридцатилетней, Восемидесятилетней и франко-испанской войн Габсбурги потерпели поражение. Это означало дисбаланс сил в Европе, началось новое возвышение французских королей – на сей раз Бурбонов. Франция, став сильнейшей державой Европы, проводила политику, направленную на обеспечение безопасности своих границ путем дальнейших территориальных приобретений и, как полагали ее соперники, на обеспечение гегемонии на континенте. Это привело к серии войн (Деволуционная война, Голландская война, Война Аугсбургской лиги, Война за испанское наследство), по итогам которых Франция лишилась доминирующего положения. Именно в 1713–1714 гг., с подписанием системы мирных договоров, завершивших Войну за испанское наследство (Утрехтского, Раштаттского и Баденского), была де-факто установлена система баланса сил, уже в 1718–1720 гг. доказавшая свою эффективность в ходе Войны четвертного союза, известной также как Война за французское наследство. Произошло это, однако, спустя 65 лет после подписания Вестфальского мирного договора.

Не покончил Вестфальский мир и с религиозными конфликтами в Европе. К моменту подписания мирного договора религиозная война в Священной Римской империи уже прекратилась, и Вестфальский договор лишь зафиксировал условия Пражского мира. При этом это урегулирование касалось только СРИГН и не распространялось на другие страны. В год подписания Вестфальских договоров в Украине произошло восстание Богдана

Хмельницкого, одной из движущих сил которого стала борьба православного казачества и крестьянства против католической шляхты. В 1642 г. началась гражданская война в Англии, также имевшая очевидную религиозную составляющую в виде борьбы английских пуритан против англикан, шотландских пуритан и католиков; иногда события этих лет именуют также Пуританской революцией. В 1656 г. произошла Первая Вильмергенская война в Швейцарии между протестантскими и католическими кантонами и городами, формальным поводом для которой стали преследования протестантов в католическом кантоне Швиц. Во Франции с начала 1660-х годов вновь начались гонения на протестантов, в 1681 г. была введена практика драгонад, в 1685 г. формально отменен Нантский эдикт. Эти события привели к массовому бегству протестантов из страны и восстанию камизаров в 1702–1705 гг. В 1684 г. произошло восстание вальденсов в герцогстве Савойском, в 1712 г. – Вторая Вильмергенская (Тоттенбургская) война в Швейцарии.

Актуальность для тогдашней европейской политики религиозного вопроса не стоит преуменьшать: в протестантских странах широко распространялись памфлеты и листовки, в которых провозглашалось скорое начало новой войны за веру в условиях ужесточения преследования протестантов в католических странах – Австрии и Франции [47]. Многие крупные войны воспринимались в этой парадигме как межконфессиональные – Война Аугсбургской лиги (1688–1697), Война за испанское наследство (1702–1713) и даже Семилетняя война (1756–1763) [48, р. 7-8]. Более того, защита прав единоверцев по-прежнему считалась легитимным поводом для вооруженной интервенции. В 1655 г. после Пьемонтской пасхи, в результате которой погибли до 6 тыс. вальденсов, лорд-протектор Англии Оливер Кромвель пригрозил начать войну против герцогства Савойского, если преследования протестантов не прекратятся.

Вестфальский мир отнюдь не привел к уменьшению влияния религии на внешнюю политику государств. Он лишь зафиксировал принципы межконфессионального урегулирования по итогам закончившегося за 13 лет до того религиозного конфликта внутри СРИГН, но на смену внутренним религиозным конфликтам, успешно завершившимся победой той или иной стороны или мирным урегулированием в пользу господствующей религии, пришли внешние конфликты, в которых религия играла важную роль.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что представление о Тридцатилетней войне как о конфликте, от которого зависело само существование европейских национальных государств, не соответствует действительности. Оно сформировалось под влиянием антигабсбургской пропаганды XVII в. и прочно вошло в исторический и политический дискурс протестантских стран и государств, воевавших в составе антигабсбургской коалиции. Однако исследования последних десятилетий позволяют утверждать, что Габсбурги ни на момент начала войны, ни в процессе ее ведения не планировали создания общеевропейской универсальной монархии. Как следствие, Вестфальский мирный договор отнюдь не означал крах габсбургских экспансионистских намерений.

Аналогичным образом он не подразумевал создания баланса сил. Наоборот, подписание Вестфальского мирного договора и Пиренейского мира 1659 г. привело к росту влияния Франции. Претензии Людовика XIV на гегемонию в Европе вынудили другие великие державы объединиться, чтобы противостоять французской экспансии. Лишь после серии затяжных войн Франция вынуждена была отказаться от гегемонистских амбиций.

Наконец, крупные религиозные войны во Франции и Священной Римской империи фактически окончились задолго до подписания Вестфальского мирного договора. При этом религиозный аспект внешней политики являлся значимым фактором отношений европейских стран вплоть до наполеоновских войн.

Продолжение следует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Acta Pacis Westphalicae*. Available at: <http://www.pax-westphalica.de/> (accessed 25.07.2019).
2. Schmidt G. *The Peace of Westphalia as the fundamental law of the complimentary Empire-State. War and peace in Europe*. Bussmann K., Schilling, H., eds. Munster, Bruckmann, 1998. Vol. I, pp. 447-454.
3. Schröder P. The Constitution of the Holy Roman Empire after 1648: Samuel Puffendorf's Assessment in his Monzambano. *The Historical Journal*, 1999, vol. 42, no. 4, pp. 961-983. DOI: 10.1017/S0018246X99008754
4. Straumann B. The Peace of Westphalia as a Secular Constitution. *Constellations*, 2008, vol. 15, no. 2, pp. 173-188. DOI:10.1111/j.1467-8675.2008.00483.
5. Asch R.G. The ius foederis re-examined: the Peace of Westphalia and the constitution of the Holy Roman Empire. *Peace Treaties and International Law in European History: From the Late Middle Ages to World War One*. Lesaffer R., ed. New York, Cambridge University Press, 2004, pp. 319-337.
6. Gross L. The Peace of Westphalia, 1648-1948. *The American Journal of International Law*, 1948, vol. 42, no. 1, pp. 20-41. DOI: 10.2307/2193560
7. Fauchille P. *Traite de Droit International Public*. Paris, Rousseau and Co, 1922. Vol. I, iss. 4. 1058 p.
8. Winfield P.H. *The Foundations and the Future of International Law*. New York, The Macmillan Co., 1941. 125 p.
9. Dunn F.S. International Legislation. *Political Science Quarterly*, 1927, vol. 42, pp. 571-588.
10. Osiander A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. *International Organization*, 2001, vol. 55, iss. 2, pp. 251-87.
11. Morgenthau H.J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, Alfred Knopf, 1948. 489 p.
12. Morgenthau H.J. The Problem of Sovereignty Reconsidered. *Columbia Law Review*, 1948, vol. 48, no. 3, pp. 341-365. DOI: 10.2307/1118308
13. Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. London, MacMillan Press Ltd, 1977. 329 p.
14. Buzan B., Little R. *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2000. 452 p.
15. Buzan B., Lawson, G. Rethinking Benchmark Dates in International Relations. *European Journal of International Relations*, 2014, vol. 20, iss. 2, pp. 437-462. DOI: 10.1177/1354066112454553
16. Buzan B., Lawson G. *The Global Transformation: History, Modernity and the Making of International Relations*. Cambridge, Cambridge University Press, 2015. 396 p.
17. Krasner S.D. Westphalia and All That. *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change*. Goldstein, J., Keohane R.O., eds. London, Cornell University Press, 1993, pp. 235-264.
18. Krasner S.D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton, Princeton University Press, 1999. 264 p.
19. Croxton D. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty. *The International History Review*, 1999, vol. 21, no. 3, pp. 569-591. DOI: 10.1080/07075332.1999.9640869
20. Beaulac S. The Westphalian Legal Orthodoxy – Myth or Reality? *Journal of the History of International Law*, 2000, vol. 2, iss. 2, pp. 148-177. DOI: 10.1163/15718050020956812
21. Beaulac S. The Westphalian Model in Defining International History: Challenging the Myth. *Australian Journal of Legal History*, 2004, vol. 8, no. 2. Available at: <http://classic.austlii.edu.au/au/journals/AJLH/2004/9.html> (accessed 25.07.2019).
22. Beaulac S. *The Power of Language in the Making of International Law: The Word Sovereignty in Bodin and Vattel and the Myth of Westphalia*. Leiden, Brill Academic Publishers incorporates the imprint Martinus Nijhoff Publishers, 2004. 200 p.
23. Osiander A. *The States System of Europe 1640–1990. Peacemaking and the Conditions of International Stability*. Oxford, Clarendon Press, 1994. 368 p.
24. Teschke B. Theorizing the Westphalian System of States: International Relations from Absolutism to Capitalism. *European Journal of International Relations*, 2002, vol. 8, no. 1, pp. 5-48.
25. Тешке Б. *Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений*. Пер с англ. Кралечкин Д., ред. Москва, Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 415 с. [English edition: Teschke B. *The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations*. London, New York, Verso, 2003. 308 p.]
26. Teschke B. Debating 'The Myth of 1648': State Formation, the Interstate System and the Emergence of Capitalism in Europe – A Rejoinder. *International Politics*, 2006, vol. 43, pp. 531-573.
27. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 429 p.
28. Jackson R. *Global Covenant: Human Conduct in a World of States*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 464 p.
29. Philpott D. *Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations*. Princeton, Princeton University Press, 2001. 339 p.
30. Clark I. *Legitimacy in International Society*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 278 p.
31. Lesaffer R. Peace treaties from Lodi to Westphalia. *Peace Treaties and International Law in European History: From the Late Middle Ages to World War One*. Lesaffer R., ed. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, pp. 9-44.

32. Lesaffer R. The non-Westphalian Peace. *Oxford Public International Law (OPIL)*. Available at: <https://opil.ouplaw.com/page/non-westphalian-peace/the-nonwestphalian-peace>. (accessed 25.07.2019).
33. Osiander A. *Before the State: Systemic Political Change in the West from the Greeks to the French Revolution*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 564 p.
34. Болак С. Проявление силы вестфальского мифа в международном праве. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 2011, № 5, сс. 141-153. [English edition: Beaulac S. *The Power of the Westphalian Myth in International Law*. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2965241 (accessed 25.11.2019)].
35. Croxton D. *Westphalia: The Last Christian Peace*. New York, Palgrave Macmillan, 2013. 452 p.
36. Kayaoglu T. Westphalian Eurocentrism in International Relations Theory. *International Studies Review*, 2010, vol. 12, no. 2, pp. 193-217.
37. Hobson J.M. Provincializing Westphalia: The Eastern Origins of Sovereignty. *International Politics*, 2009, vol. 46, no. 6, pp. 671-90.
38. Carvalho B. de, Leira H., Hobson J.M. The Big Bangs of IR: The Myths That Your Teachers Still Tell You about 1648 and 1919. *Millennium – Journal of International Studies*, 2011, vol. 39, no. 3, pp. 735-758.
39. Киссинджер Г. *Мировой порядок*. Пер. с англ. В. Желнинов, А. Милюков, ред. Москва, АСТ, 2015. 512 с. [English edition: Kissinger H. *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. New York, Penguin Press, 2014. 432 p.]
40. Thomas A.L. A House Divided: Wittelsbach Confessional Court Cultures in the Holy Roman Empire. *Studies in Medieval and Reformation Traditions*. Leiden, Boston, Brill, 2010. Vol. 150, pp. 1550-1650.
41. Steinberg S.H. *The 'Thirty Years War' and the Conflict for European Hegemony, 1600-1660*. New York, W.W. Norton and Company, 1966. 140 p.
42. Wilson P.H. *Europe's Tragedy: A History of the Thirty Years War*. London, Penguin, 2010. 1024 p.
43. Поршневу Б.Ф. *Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства*. Москва, Наука, 1976. 436 с. [Porshnev B.F. *Tridtsatiletnaya voina i vstuplenie v nee Shvetsii i Moskovskogo gosudarstva* [The Thirty Years War and the Entrance of Sweden and the Muscovite State]. Moscow, Nauka, 1976. 436 p.]
44. Parker G., ed. *The Thirty Years War*. London, New York, Routledge, 1997. 336 p.
45. Parker G. *The Army of Flanders and the Spanish Road, 1567-1659: the Logistics of Spanish Victory and Defeat in the Low Countries' Wars*. London, Cambridge University Press, 2004. 309 p.
46. Cooper J.P., ed. The Decline of Spain and the Thirty Years War 1609-48/59. *The New Cambridge Modern History*. Cambridge University Press, 1970. Vol. IV. 726 p.
47. Thompson A.C. After Westphalia: Remodelling a Religious Foreign Policy. *War and Religion after Westphalia, 1648-1713*. Onnekink D., ed. Farnham, Ashgate, 2009, pp. 47-67.
48. Onnekink D. The 'Dark Alliance' between Religion and War. *War and Religion after Westphalia, 1648-1713*. Onnekink D., ed., Farnham, Ashgate, 2009, pp. 1-15.

WESTPHALIAN MYTH: HISTORY AND CRITICISM**(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2019, no. 3, pp. 37-50)****Received 15.10.2019.**Aleksei V. KUPRIYANOV (a.kupriyanov@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article is devoted to the deconstruction of the so-called Westphalian Myth, a set of ideas about the Peace of Westphalia as the starting point and basis of the modern world order. The article is largely historiographic in nature and is intended to summarize for the Russian reader the position of critics of the Westphalian Myth. According to the author, the genesis of the Westphalian Myth dates back to the works of Leo Gross and Hans Morgenthau, who created a concept that formed the basis of the generally accepted history of international relations within the framework of the discipline of IR. Until recently this concept did not raise questions among researchers. However, the 1990s saw a so-called 'Historical Turn' in IRs, when historians and specialists in international law and IR challenged the generally accepted concept, after analyzing the text of the treaties of the Peace of Westphalia. The author identifies two waves of 'Historical Turn'. The first criticized the Westphalian Myth for its inconsistency with historical facts, the second focuses on the criticism of the Westphalian Myth as a Eurocentric construct that does not take into account the events taking place in the rest of the world at that time. Further, the author examines one of the key provisions of the Westphalian myth: the idea of the Thirty Years War as an existential conflict, during which the Spanish and Austrian Habsburgs tried to destroy the nation states in Europe and establish a universal monarchy. Analyzing the course of hostilities, the author comes to the conclusion that during most of the Thirty Years War, the Austrian Habsburgs defended themselves and were engaged in suppressing rebellions on their territory and repelling the invasions of foreign troops. The coordination of the Spanish and Austrian Habsburgs was rather weak, each branch of the dynasty pursued primarily its own interests. Further, the author considers two more claims of the Westphalian Myth: that the Westphalia established a balance of power in Europe, and that the religious factor in the post-Westphalian period was reduced. The author demonstrates that the Peace of Westphalia and Peace of Pyrenees did not mark a transition to a balance of power in Europe, but the growth of French hegemony, which was stopped only after series of wars resulted in signing of the Peace of Utrecht. In addition, the author argues that the religious factor played an important role in European politics until the 19th century.

Keywords: Peace of Westphalia, Thirty Years War, History of International Relations, Westphalian Myth, France, Holy Roman Empire.

About the author:

Aleksei V. KUPRIYANOV, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems..

DOI: 10.20542/afij-2019-3-37-50